

За 38 лѣтъ.

Отрывки изъ невзданныхъ воспоминаній: посвящаются памяти

Милія Алексѣевича Балакирева.

Часть вторая ¹⁾.

I.

Мы снова увидѣлись съ нимъ въ 1898 году. Сначала я увидѣла его издали, на его концертѣ.

Мы только-что вернулись тогда въ Петербургъ послѣ долгаго отсутствія, и сердце мое забилося, когда объявленіе о концертѣ Бесплатной Музыкальной Школы попало мнѣ на глаза.

Я рѣшила, что поѣду на этотъ концертъ одна, — (мнѣ не хотѣлось быть на немъ даже съ самыми близкими друзьями, — слишкомъ много и чувствъ, и мыслей, и воспоминаній будили во мнѣ эти два слова: „концертъ Балакирева“...). И я поѣхала одна, взявъ скромный билетъ въ 3 руб., вмѣсто того, чтобы взять, какъ прежде, когда была барышней и ѣздила съ родными, билетъ въ первыхъ рядахъ.

Я весело—быстро взошла въ Дворянскій залъ, гдѣ давался концертъ; но тутъ... тутъ „минувшее меня объяло живо“... Красныя бархатныя скамейки на бѣлыхъ ножкахъ, съ бѣлыми деревянными рамками, большіе портреты царственныхъ лицъ, ряды стульевъ, яркій свѣтъ хрустальныхъ люстръ, царская ложа, — все это напомнило, показало мнѣ: „чѣмъ я была и чѣмъ стала“... Тихо прошла я налѣво подальше, въ гораздо болѣе

¹⁾ См. „Русская Старина“ апрѣль 1913 г.

еще скромныя мѣста, чѣмъ взятое мной, и сѣла, стараясь совладать съ собою.

Поборотъ нервное волненіе лучше всего мнѣ всегда удавалось, разговаривая съ посторонними, безразличными для меня людьми, или, если нельзя было съ ними почему-нибудь разговаривать, то наблюдая за такими людьми.

И я стала наблюдать за собиравшимися, входившими и уже прежде вошедшими въ залъ.

Знакомыхъ „лицъ“, не только „знакомыхъ“ не было никого или почти никого. За пятнадцать, истекшихъ съ кончины моего отца лѣтъ все, казалось, перемѣнилось... Но вотъ, наконецъ, глаза мои отыскали знакомую только по виду, но милую мнѣ семью Стасовыхъ... потомъ Бесселя,—моего „придворнаго“ поставщика нотъ. Онъ всегда былъ очень любезенъ, когда моя мать и я заходили къ нему въ магазинъ; увѣрялъ, что я приношу ему счастье, что стоитъ мнѣ войти въ его *пустой* магазинъ, какъ онъ тотчасъ же наполняется покупателями, и потому спускалъ мнѣ 0/0 съ нотъ; кромѣ того, показывалъ намъ письмо Фр. Листа о Балакиревѣ. (Письмо это онъ вставилъ въ рамку и держалъ не въ первой комнатѣ магазина, куда съ улицы входили покупатели, а во второй. Не знаю, гдѣ оно теперь и цѣло ли?). Впослѣдствіи, въ 1905 году, уже больной и умирающій, онъ встрѣтился со мной за границей и преподнесъ мнѣ „на добрую память“ составленный имъ краткій очеркъ музыки въ Россіи. Очеркъ этотъ именно краткій, носящій на себѣ издательскую печать, т.-е. издательскіе взгляды, поразилъ меня одной оригинальной и, мнѣ думается, очень вѣрной мыслью, высказанной вскользь „подъ чертой“, въ видѣ краткаго примѣчанія. Мысль эта заключается въ томъ, что у насъ (русскихъ) нѣтъ военной, національной музыки, что она находится въ полномъ запущеніи, между тѣмъ какъ войскамъ нужны были бы хорошіе національные марши. Сочиняли же въ Германіи такіе марши величайшіе композиторы (какъ, напримѣръ, Фр. Шубертъ и даже Бетховенъ)¹⁾.

...Затѣмъ, послѣ Бесселя, глаза мои увидали моего бывшего учителя и бывшего друга М. А. Балакирева, теперь его врага, Николая Андреевича Римскаго-Корсакова.

¹⁾ Мы же, дѣйствительно, развращаемъ народъ, вливая въ его музыкальное сознаніе черезъ возвращающихся въ деревню солдатъ разныя опереточныя, тривіальныя мотивы, а потомъ еще смѣемъ удивляться, отчего заглухла въ народѣ русская прекрасная пѣснь? Отчего появилась гаденькая частушка?

Онъ прошелъ почти къ первымъ рядамъ и сѣлъ налѣво, вмѣстѣ съ женой своей,—небольшой худенькой блондинкой съ просѣдью и очень выпуклымъ лбомъ.

Волненіе мое успѣло уже улечься, и я съ грустью смотрѣла на всѣхъ этихъ постарѣвшихъ „помертвѣвшихъ“ людей, невольно думая: также и я перемѣнилась, также и я!.. А что *онъ*, какой *онъ*?..

На эстрадѣ, залитой, какъ всегда въ дни концертовъ, яркимъ свѣтомъ, льющимъ сверху, копошились между тѣмъ уже у своихъ инструментовъ въ футлярахъ издали казавшіеся маленькими мужчины.

Въ залѣ царило оживленіе, какъ будто къ чему-то готовились...

И дѣйствительно, концертъ оказался „юбилейнымъ“, понимая это слово въ первоначальномъ его значеніи, т.-е. „радостнымъ“, т. к. почитатели и друзья Милія Алексѣевича радовались его появленію на эстрадѣ и, придравшись къ какому-то 40-лѣтію, чествовали Балакирева адресами и подношеніями.

Тутъ былъ, кажется, весь „русскій“ музыкальный міръ во главѣ съ маленькой старушкой,—„Наинной“, какъ мы ее называли,—сестрой гениальнаго Глинки, Людмилой Ивановной Шестаковой.

...Я не помню, когда началось чествованіе,—въ началѣ, до концерта, въ серединѣ его или въ другую минуту. Я помню только, какъ читали на эстрадѣ адреса, какъ Балакиревъ цѣловалъ руку маленькой Наины, другимъ пожималъ руки, какъ ему поднесли, между прочими подарками, слѣпокъ съ руки Листа... И какъ, кромѣ знакомыхъ мнѣ лицъ Стасова, Кюи и др. у дирижерскаго возвышенія ясно выдѣлялась незнакомая мнѣ фигура, человекъ лѣтъ 35—40, съ темными волосами и темной, аккуратно подстриженной бородой, съ густыми бровями, чѣмъ-то неопредѣлимымъ словами похожаго на Милія Алексѣевича.

Во время концерта я узнала, что это былъ Сергѣй Михайловичъ Ляпуновъ, композиторъ, другъ Балакирева и его землякъ, т.-е., какъ и Балакиревъ, нижегородецъ.

Когда Милій Алексѣевичъ появился на эстрадѣ, внутренно я охнула.

Время не мягко обошлось съ нимъ за эти 11 лѣтъ, какъ говорятъ англичане! (Time had not dealt softly wiht him...)

Когда мы разстались, у него были уже не длинные и густые, но все же хорошіе, едва начинавшіе рѣдѣть темные, какъ и борода и усы, безъ одинаго сѣдого волоса, — волоса. Теперь

большая голова его была лыса и, какъ у всѣхъ лысыхъ, съ бликами. Борода и усы были тоже сѣдые.

Одиннадцать лѣтъ назадъ прекрасные крѣпкіе зубы его еле начинали портиться и выпадать, теперь, когда онъ улыбался, благодаря за подношенія, у него былъ старческій беззубый ротъ...

И глаза... даже его глаза мнѣ показались уже не тѣми...

Концертъ начался оркестровой пьесой Ляпунова: „Торжественная увертюра на русскія темы“, и при первыхъ тактахъ ея,—волненіе мое прорвалось наружу,—слезы потекли, несмотря на все желаніе сдержать ихъ.

Я рада была, что возлѣ, т.-е. вокругъ меня была маленькая пустыня, что я сидѣла одна, что никого не могли возмутить и изумить мои замѣтныя чувства.

...Музыка была все та же, ново-русская, Балакиревская, — та которую нужно слушать не разъ, а нѣсколько разъ, чтобы ее усвоить, понять, та, которую между моими близкими немногіе любили (и любятъ), которую, какъ и Чайковскій, многіе опредѣляютъ: „все одно и то же“,—(такъ японцы находятъ, что у всѣхъ европейцевъ одно лицо, а мы находимъ, что у всѣхъ японцевъ и китайцевъ одно!..). Но это была та музыка, которую училъ меня любить Балакиревъ... и затѣмъ, кромѣ того, въ ней прорывался такой лиризмъ, такой... (да простить мнѣ ея авторъ,—иными словами я не умѣю ее опредѣлить),—такой романтизмъ,—такая самобытная мелодичность, что останавливаемая силой воли слезы нѣтъ-нѣтъ да и начинали снова щипать мнѣ горло, наполняли глаза и медленно скатывались по лицу.

То же, только еще въ большей степени я испытала во время „Баллады для оркестра“, и это открыло для меня новые широкіе горизонты въ ново-русской музыкѣ. Я почувствовала, что и она *когда-нибудь* не будетъ только восхищать специально-образованныхъ для нея людей, но станетъ понятной и дорогой каждому, не лишенному музыкальнаго чутья человѣку, что въ ней, кромѣ чисто народныхъ мотивовъ, могутъ быть и свои, не народные, но тѣмъ не менѣе свои русскія, музыкальныя, понятныя всѣмъ слова и мысли...

...Представительницей вокальнаго искусства въ концертѣ была пѣвица Спб. Императорской оперы Нина Александровна Фриде. Она должна была пѣть романсы Балакирева изъ его новаго сборника.

Во время исполненія Листа: „хоры въ драмѣ Гердера: „Прометей“,—волненіе мое совсѣмъ утихло, и я перешла на взятое мною мѣсто... откуда и слушала съ восторгомъ „Балладу“ Ляпунова, а когда должна была выйти пѣть Фриде, я перешла, т.-е. сѣла еще ближе, къ первымъ рядамъ, т. к. залъ, какъ всегда, былъ далеко не заполненъ публикой, и мнѣ было интересно слышать въ первый разъ исполненіе романсовъ моего учителя.

Фриде я знала давно; мы встрѣтились съ ней, когда обѣ были дѣтьми.

Это было въ 1867 г. въ большомъ залѣ Адмиралтейства, превращенномъ въ гимнастическій залъ доктора Бенезе.

Мы со многими другими дѣтьми дѣлали тамъ гимнастику.

Затѣмъ вторично мы встрѣтились въ сезонъ 1870—1871 г., въ гимназій Марьи Петровны Черепановой-Спѣшневой.

Н. А. Фриде тогда уже,—несмотря на свой дѣтскій возрастъ, славилась голосомъ,—пѣла, возбуждая восторгъ и ученицъ и учительницъ, арію изъ Жизни за Царя: „какъ мать убили“ и, конечно, мечтала,—то, что другіе ей и пророчили,—стать со временемъ большою пѣвицей.

Характерами мы съ ней не сходились. Бойкая и шалунья, она пугала меня, маленькую недотрогу, воспитанную на англійскій ладъ, своими продѣлками, и не разъ я возмущалась ею и плакала отъ ея проказъ.

Особенно помню, какъ разъ она разсыпала по двумъ заламъ изъ пенала мои карандаши, резинки, гусинья и стальные перья... А за мной уже пріѣхалъ экипажъ... Меня ждали... торопили... И я съ кривившимся отъ удерживаемыхъ рыданій ртомъ ходила и подбирала мои красивыя, береженныя, многія теперь поломанныя вещицы... и торопилась, торопилась!..

О короткомъ знакомствѣ и дружескихъ отношеніяхъ Фриде съ Миліемъ Алексѣвичемъ я тогда не слыхала или мало слыхала, и мнѣ тѣмъ болѣе было интересно увидѣть бывшую шалунью Нину съ моимъ дорогимъ и великимъ „строгимъ“ по духу учителемъ.

И вотъ она вышла на эстраду, тоненькая и стройная, какъ 25-лѣтняя дѣвушка, въ атласномъ, прелестномъ гладкомъ бѣломъ платьѣ декольтэ,—и стала пѣть.

Я слышала ее, какъ всѣ тогдашніе петербуржцы, много разъ въ оперѣ, и въ этотъ вечеръ не столько интересовалась ея голосомъ, сколько тѣмъ, какъ она передаетъ романсы Балакирева, и самими романсами.

Но когда я увидѣла ея точеную, смуглую, дѣвичью шею и такія же точенныя, худенькія руки, ея строго обдуманное платье, когда увидѣла бережное отношеніе къ ней моего учителя, то отношеніе, которымъ онъ дарилъ немногихъ,—во мнѣ вспыхнулъ новый интересъ и... любопытство.

Какъ могли дружески сблизиться такія два разнородныя существа?..

... Н. А. Фриде пѣла, и, послѣ cadaго романса, глаза ея кого-то отыскивали налѣво, въ первомъ ряду (въ сторону царской ложи).

— „Мать?..—спрашивала я себя, но какъ ни отыскивала взглядомъ ея мать, М-ше Фриде, которую я помнила съ дѣтства, найти ее я не могла.

Романсы слѣдовали одинъ за другимъ, вызывая шумные аплодисменты и биссированье.

Передавала ихъ Фриде просто и хорошо, и ея видѣла, какъ тѣмъ же взглядомъ, какъ когда-то мнѣ, Балакиревъ отвѣчалъ ей на молчаливый вопросъ ея поднятыхъ къ нему красивыхъ южныхъ глазъ: „я доволенъ вами“.

Мнѣ лично—больше всего понравился, больше всего тронулъ меня романсъ „Пустыня“.

Слова какъ-то особенно сливались съ музыкой, и производимое впечатлѣніе заставляло бѣгать мурашки по спинѣ.

Мнѣ думалось:

— „Это онъ про себя написалъ! Да такъ онъ шелъ и еще идетъ по раскаленной жизненной пустынѣ!.. И ждетъ, какъ вѣрующій челоуѣкъ, ждетъ того „сада“, гдѣ навсегда забудется тоска пути, лежащаго за нимъ“...

И снова глаза мои наполнялись слезами; въ воспоминаніи проносились образы моихъ дорогихъ отшедшихъ, особенно моей незабвенной матери...

.....

... Справа отъ меня, рядомъ со мною сидѣла молодая бѣлокурая барышня, не то курсистка, не то консерваторка.

Она, повидимому, была замѣшана въ что-то мнѣ непонятное, въ какое-то важное и интересное дѣло.

„Подношеніе?..“

Я глядѣла по сторонамъ, ожидая увидѣть еще какой-нибудь вѣнокъ или, по крайней мѣрѣ, букетъ, или корзину для Н. А. Фриде, но... никто не шелъ, ничего не несли... Между тѣмъ барышня все больше и больше проявляла веселаго возбужденія.

хихикала, старалась поймать взглядъ пѣвицы, приподнималась, улыбалась, иногда тряслась отъ тихаго смѣха.

Очевидно, что-то говорилось, но что?...

Разгадка, однако, послѣдовала скоро. Когда на вѣс Фриде запѣла еще романсъ, моя сосѣдка не вытерпѣла, фыркнула и, обращаясь ко мнѣ, давась отъ хохота, проговорила полу-шепотомъ: „это... онъ ей... посвятилъ!.. Ей!..“

Романсъ былъ любовный, т.-е. на любовныя слова. Меня внутренно такъ всю и повело.

Я молча поглядѣла на барышню, отвернула голову и стала слушать пѣніе.

Романсъ мнѣ понравился меньше другихъ.

У Балакирева и въ характерѣ, и въ творествѣ, по-моему, всегда было болѣе философски-эпическое возрѣніе на жизнь, чѣмъ индивидуально-лирическое. Пряталъ ли онъ, задушалъ ли въ себѣ проявленіе чувствъ,—не знаю, но кромѣ романсовъ, писанныхъ въ молодости,—ничто въ его музыкѣ не звучало ни страстью земной любви, ни отчаянія, ни даже элегіей, которая всегда сентиментальна. Все было и есть возвышенно и возвышающе прекрасно.

И въ этомъ романсѣ, несмотря на слова: „онъ идетъ и поетъ!.. здравствуй, милый ты мой“... страсти, земной страсти, трепета и счастья и задыханья при ожиданіи свиданія съ любимымъ человѣкомъ, словомъ, лиризма, не было и помина...

Когда Фриде кончила пѣть и, гася веселую улыбку, взглянула снова на кого-то въ первыхъ рядахъ, я обратилась съ вопросомъ къ моей барышнѣ.

— Вы говорите, Балакиревъ посвятилъ этотъ романсъ Фриде?

— Ну, да ей!.. Ей! (всхлипъ отъ смѣха). Я подумала: вотъ лиризмъ-то гдѣ поискать. Послѣ молчанія спрашиваю:

— А вы почему это знаете?

— Какъ же мнѣ не знать!.. я подруга Нины Александровны...

У меня промелькнула мысль: несчастная Нина Александровна! Имѣть такую подругу!..

— А Балакирева вы часто видите у Фриде?

— Постоянно! Онъ постоянно у нихъ бываетъ (и снова всхлипыванье и извиванье отъ хохота).

Я помолчала, послушала и перешла на другое мѣсто.

Во время симфоніи С. dur Балакирева я припомнила, снова пережила,—такъ сказать,—всю мою юность и молодость.

Вся моя духовная влюбленность, все мое преклоненіе передъ его великой душой, передъ геніальнымъ талантомъ и умомъ прошли передъ мною.

Я вспомнила, какъ я краснѣла при одномъ его имени,— вспомнила, какъ силой воли училась не краснѣть, потому что замѣтила, какъ также краснѣли консерваторки, когда при нихъ упоминались имена ихъ профессоровъ: Лешетицкаго, Ауера, Давыдова, Броссена. Я чувствовала, какъ это пошло... И я не хотѣла въ этомъ смыслѣ походить на нихъ, на консерваторокъ!.. Нѣтъ! Нѣтъ! Да и мой дорогой учитель (съ большой буквой), мой Maestro былъ не чета, ни въ какомъ смыслѣ, ни въ музыкальномъ, ни въ духовномъ (особенно дорогъ онъ былъ для меня въ духовномъ), не чета былъ кому бы то ни было изъ консерваторскихъ преподавателей!..

Вспомнила, какъ дразнили меня дома, братъ и иногда даже отецъ за мои чувства. Какъ наша „Наденька“ (Надежда Дмитріевна Яковлева), защищала меня.

Вспомнила даже одинъ разговоръ по этому поводу. Балакиревъ только-что ушелъ послѣ урока, и отецъ, посмѣиваясь надо мной, дразнилъ меня. Въ душѣ я знала, что онъ искренно боится увлеченія съ моей стороны. А я, я, какъ ни старалась, не могла объяснить, передать то, что я чувствовала.

Я любила Милія Алексѣевича больше всѣхъ нашихъ знакомыхъ, гораздо больше; чувствовала, что будь это, т.-е. живимы во времена первыхъ христіанъ, я пошла бы за нимъ на костеръ... Но, если бы меня спросили: „вышла ли бы ты замужъ за того-то или того-то?.. (изъ нашихъ друзей, знакомыхъ) я сказала бы: пожалуй, можетъ быть, да... Но за...! Эта мысль, этотъ вопросъ мнѣ казался не то смѣшнымъ, не то святотатственнымъ!

Онъ былъ выше другихъ, онъ былъ великій учитель... и таковымъ и долженъ былъ оставаться... для меня, для всѣхъ...

Есть много дѣтей, и я принадлежала къ ихъ числу,—которыя интимную, неизвѣстную имъ семейную жизнь, семейныя отношенія своихъ нянь, боннъ и гувернантокъ окружаютъ (органически не могутъ не окружать) какой-то особою, сердечною поэзіей. Нянинъ, боннинъ или гувернанткинъ отецъ, братъ, мать, сестра, племянникъ или племянница представляютъ изъ себя не простыхъ, т.-е. обыкновенныхъ людей, но людей особенныхъ, высокоинтересныхъ и вдобавокъ красавцевъ, и въ физическомъ, и въ нравственномъ смыслѣ.

Велика бываетъ разочарованность и какая-то внутренняя, тщательно ребенкомъ скрываемаая сконфуженность, при встрѣчѣ съ живыми Оенями, Ванюшками, Готлибами, „Жэнэчками“ и пр., сконфуженность, иногда закидываемая самолюбивыми словами: я никогда и не думалъ (или не думала), что онъ или она иной, чѣмъ онъ въ дѣйствительности, но поэтизировать несомнѣнно врождено человѣку, а, можетъ быть, и всему органическому міру.

(Не на ней ли основано подчиненіе даже сильнѣйшихъ животныхъ человѣку, безусловное признаніе его господиномъ?).

Съ годами у дѣтей поэтизація съ нянь и гувернантокъ переносится, нѣсколько видоизмѣненная, на учителей, учительницъ, классныхъ дамъ и пр.

Есть подростки,—къ числу которыхъ я опять-таки принадлежала,—которые стѣсняются даже думать, что учитель или учительница ѣдятъ, пьютъ, спятъ и т. д., какъ всѣ другіе люди.

Войти въ кондитерскую или булочную, гдѣ, напр., проголодавшійся бѣднякъ-преподаватель ѣстъ пирожки, для такого ребенка—мученіе. Увидѣть, что учительница жадно, потому некрасиво, глотаетъ стаканъ молока или чая — стыдно для такого ребенка. Учитель или учительница въ его представленіи окружены ореоломъ *недостижимой* высоты. Ничто земное ихъ не касается, не должно касаться.

(Разумѣется, это не оформленная глупая мысль или представленіе,—но инстинктивное отдѣленіе духа отъ плоти, игнорированіе плоти, ради преклоненія передъ духомъ).

На этомъ основано и институтское и вообще ученическое обожаніе, часто, увы, ошибочно неотдѣлимое отъ полового влеченія, ведущаго ко всевозможнымъ „несчастіямъ“, одно изъ которыхъ такъ вѣрно описано, напр., въ первомъ (или одномъ изъ первыхъ романовъ) г-жи Щепкиной-Куперникъ.

... У меня чувство поэтизаціи было развито въ высшей степени, и я перестала „преклоняться“ въ гимназій передъ молоденькой хорошенькой учительницей, которую, по ея гладкому костюму, я считала пуританкой и святой (а она была нигилистка!),—только потому, что она отыскала меня за дверью, куда я отъ нея же пряталась, и поцѣловала меня, когда я одѣвалась во все теплое, чтобы ѣхать домой.

Впослѣдствіи, молоденькой дѣвушкой, я также утратила довѣріе, „уваженіе“ къ литературнымъ трудамъ писателя Кандараки, написавшаго многотомное сочиненіе о крылѣ, вслѣдствіе

того, что когда мы пріѣхали къ нему покупать это сочиненіе,— онъ страшно обрадовался, засуетился, не могъ найти ключа, чтобы открыть шкапъ, гдѣ лежали книги, и сталъ выкрикивать разныя женскія имена, зовя своихъ маленькихъ дочерей.

Ихъ прибѣжало множество, семь или больше, маленькихъ женщинъ, и такъ мнѣ тогда показалась неподходящей эта семейная картина и... ученый труд!..

Ни мой братъ, ни даже моя чуткая мать не понимали этого чувства и удивлялись, что съ этой минуты я не захотѣла читать сочиненій г. Кандараки... Но, но гораздо поздне въ жизни я встрѣтилась съ людьми, моими сверстниками, которые чувствовали, какъ я, и, припоминая свою юность, улыбаясь, рассказывали, какъ они тоже „разочаровались“ въ Евгенія Марковъ, писателѣ 80-тыхъ годовъ, котораго они высоко ставили, узнавъ, что *онъ, онъ* чуть-ли для нихъ не пророкъ... онъ женатъ!!.

.....
Тѣмъ болѣе не шли рассказы и намеки моей сосѣдки для Милія Алексѣевича Балакирева.

... Во время его симфоніи *S. dur* я многое передумала, многое пережила, многое перечувствовала, многое провѣрила въ себѣ, и на многое то, что нельзя облечь въ слова, отвѣтила себѣ: Да!.. И снова... Да!..

Я уже отошла отъ него. Онъ былъ уже для меня дорогой, безконечно дорогой старикъ, и на внутренній промелькнувшій вопросъ: пошла ли бы я теперь за нимъ на эшафотъ (на костеръ)? я только снисходительно къ самой себѣ улыбнулась.

Мнѣ было и немного грустно сознаніе, что что-то утрачено мною навсегда, и вмѣстѣ съ тѣмъ я чувствовала, что я выросла, созрѣла духомъ, и какое-то спокойствіе равенства, какое-то „утвержденіе“ вливалось въ меня.

.....
Кромѣ „подруги“ Н. А. Фриде на этомъ концертѣ мнѣ сдѣлалъ „больно“ Николай Андреевичъ Римскій-Корсаковъ.

Онъ и пожималъ плечами во время чествованія и исполненія произведеній Балакирева, и трясъ головой, и вообще относился къ своему бывшему другу совсѣмъ не такъ, какъ въ правѣ ожидать люди отъ даровитаго человѣка...

Княгиня М. В. Волконская.

(Продолженіе слѣдуетъ).